

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
Роман

СЕЛИН
СААДИ

АСЯ
ПЕТРОВА

Непослушная
РАЗВЕДЕНКА
ДЛЯ БОССА

Селин Саади

Непослушная разведенка для босса

<https://litres.ru/74215507>

Аннотация

— Это что? — голос тихий, но от этого тона мороз дерет по коже.

Мой мозг переходит в режим аварийного выживания.

— Тираннозавр Рекс, — спокойно отвечаю, небрежно смахивая игрушку обратно в сумку, — Племянник заезжал в гости, а этот мелкий террорист обожает подкидывать свои сокровища мне в сумку.

Я смотрю Роману Истомину прямо в глаза, не моргая. И кажется, я даже не дышу...

Если я сейчас отведу взгляд — он поймет, что я вру.

Наконец, он неуловимо кивает.

Убежденный холостяк, очевидно, удовлетворяется этим ответом. Или, по крайней мере, оценивает мою непробиваемую, железобетонную наглость.

Что делать разведенке с тремя детьми, четырьмя тысячами в кармане и бывшим мужем, у которого новая семья?

Ну конечно, семимильными шагами строить свою жизнь заново... Например, приврать в анкете и получить работу мечты? Легко, пусть и совестно.

Правда, желанная работа подразумевает крайне категоричного босса, не терпящего соискателей с детьми...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1

Зеленая трехногая собака радостно улыбается мне прямо с генерального плана застройки элитного жилого комплекса.

Я молча смотрю на ватман, покрытый идеальными чертежами, которые когда-то выдавала бессонными ночами. Теперь в центре квартала красуется шедевр, выполненный жирным маркером.

— Тёма, — выдыхаю, медленно закрывая глаза и считая до трех. Баланс. Тая, просто держи баланс. — Зайчик, мы же договаривались рисовать только в альбоме.

Двухлетний Артем, сидя на полу в одном подгузнике, победно трясет зеленым маркером.

— Сябака!

— Я вижу, что собака. Потрясающая экспрессия, — аккуратно забираю маркер из цепких пальчиков и убираю испорченный чертеж обратно в тубус.

Последнее доказательство того, что я, Таисия Савельева когда-то была перспективным архитектором, пока с головой не ушла в бесконечный декрет.

— Мам! — из коридора доносится возмущенный голос тринадцатилетней Киры. — Где моя черная толстовка? Если ты ее постирала, я не пойду в школу. В этой розовой дряни пусть Алиса ходит, я не кукла Барби!

— Толстовка на сушилке, высохла еще вчера! — кричу

в ответ, ловко подхватывая Тёму под мышки и неся его в ванную.

На кухне что-то начинает подозрительно шипеть.

— Мамочка, — на пороге ванной материализуется девятилетняя Алиса. Один хвостик съехал набок, а в руках раскрытый учебник. — Нам по окружающему миру надо презентацию сделать про тектонические плиты до завтра.

— Сделаем. Вечером, — обещаю я, ставя Тёму умываться, и срываюсь на кухню спасать плиту от сбежавшей каши.

Мой личный цирк шапито работает без выходных.

Спустя полтора часа ураган наконец стихает. Кира, хлопнув дверью, уводит Алису в школу. Тёма, чудом накормленный и одетый без истерики, отправлен в садик на свою законную половину дня.

Я возвращаюсь в пустую квартиру, которая мгновенно оглушает меня звенящей тишиной. И боже... как же я скучаю по этой тишине.

Прислоняюсь спиной к кухонному гарнитуру и медленно съезжаю по нему вниз, прямо на пол. Кофе закончился еще в понедельник, а бодрости ужасно не хватает. Впрочем как и денег...

Я механически наливаю себе стакан воды и открываю банковское приложение на телефоне.

Остаток: 4 350 рублей.

Закусываю губу, глядя на экран. До конца месяца еще неделя.

Нужно купить Тёме новые ботинки, старые уже не налезают на ногу даже с тонким носком. У Алисы через три дня платная экскурсия в планетарий, а на тумбочке молчаливым укором лежат квитанции за квартиру.

Открываю мессенджер и, пересилив гордость, набираю сообщение бывшему мужу:

«Женя, мне нужна помощь в этом месяце. Тёме мала обувь, у Алисы сборы в школе. Алиментов хватило только на базовые продукты и коммуналку за прошлый месяц. Переведи хотя бы пять тысяч сверху, пожалуйста».

Ответ приходит через несколько минут, видимо, в коротком перерыве между его важными деловыми созвонами:

«Тай, мы все договоренности зафиксировали при разводе. Я свои обязательства выполняю, алименты перевел вовремя. У Леночки сейчас сложная беременность, нам нужно откладывать на контракт с клиникой. Учись планировать бюджет. Ты же умная женщина, найди подработку из дома. На меня рассчитывать не надо».

Смотрю на эти строчки и чувствую, как внутри поднимается холодная ярость. Как детей делать, так он первый бежал... Все клялся, что в финансовых вопросах нуждаться мы не будем, и пока я была в браке, так и было.

Просто потом у бывшего мужа появилась новая пассия, а я с детьми отошла на второй план.

Ничего не отвечаю. Бросаю телефон на стол, встаю и иду в комнату. Достаю свой старый, поцарапанный ноутбук.

Подработка... Копирайтер за копейки? Дизайн визиток на фрилансе?

Я архитектор, черт возьми.

Захожу на закрытый профильный портал, где публикуются серьезные тендеры и большое количество конкурсных проектов. Однажды я выиграла такой конкурс, десять лет назад, а потом сразу узнала, что беременна Алиской.

И мечты о работе над крупными проектами снова развалились, как картонный домик.

Требования в вакансиях везде как под копирку:

«Работа в офисе 5/2, ненормированный график».

С тремя детьми, младший из которых в периоде бесконечной адаптации к саду, это приговор.

Я уже хочу закрыть вкладку, когда взгляд цепляется за баннер со строгим, минималистичным шрифтом.

«Истомин Девелопмент».

Генеральный конкурс на концепцию эко-делового кластера «Сфера». Победитель получает контракт на реализацию проекта в качестве ведущего архитектора. Аванс при подписании — 2 миллиона рублей.

Мое сердце сбивается с ритма. Вся Москва знает, что Истомин — это синоним бескомпромиссного качества и жесткой хватки. Компания строит самые смелые, самые интеллектуальные здания в городе.

Это не просто шанс заработать, это билет обратно в высшую лигу, откуда я так глупо выпала. Аванса из этого тенде-

ра хватит, чтобы раздать долги, нанять круглосуточную няню для Тёмы и забыть жалкие сообщения Жени, как страшный сон.

Я углубляюсь в чтение брифа, пальцы летают по тачпаду. Задача дьявольски сложная, но безумно интересная: вписать огромный стеклянный кластер в ландшафт старого парка, не нарушив природную экосистему.

В голове уже сами собой начинают выстраиваться линии перекрытий, многоуровневые террасы, парящие мосты. Мой мозг, изголодавшийся по настоящей работе, радостно откликается на вызов.

Скачиваю форму заявки и начинаю ее заполнять, полностью погруженная в собственный энтузиазм.

Сюда пойдут мои старые, но лучшие чертежи, нужно только замазать в фотошопе зеленую собаку Тёмы.

Я пролистываю анкету вниз, пока не упруюсь в текст, выделенный жирным шрифтом:

«Внимание! Проект требует абсолютной вовлеченности, возможных перелетов и круглосуточной связи с руководством. Роман Андреевич Истомин ценит время компании. Мы ищем специалиста, готового на 100% посвятить себя «Сфере». Кандидаты с семейными обременениями (дети дошкольного и младшего школьного возраста) не рассматриваются в связи с рисками постоянных больничных и невозможностью выдерживать график».

Я замираю.

Дискриминация чистой воды!

Незаконно, цинично и так типично для корпоративных акул.

Внимательно смотрю на пункт 14 в анкете, где нужно заполнить семейное положение и наличие детей.

Потом снова кидаю взгляд на свой телефон, вспоминая унижительную переписку с бывшим мужем.

Где-то в коридоре валяется забытый Алисой ободок, на холодильнике висит график дежурств Киры, в раковине кастрюля из-под Тёминой каши.

Если я напишу правду, отдел кадров просто отфильтрует мою заявку. Истомин даже не увидит эскизы. Мне нужен только допуск к защите. Я покажу им концепцию, выиграю очный этап, а когда они поймут, что я могу им дать...

Я ведь была лучшая на курсе...

Победителей не судят. Я что-нибудь придумаю. Найму няню. Буду спать по два часа в день. Выкручусь.

Но деньги очень нужны. И независимость от бывшего.

Мои пальцы ложатся на клавиатуру.

В графе «Семейное положение» я быстро печатаю: «В разводе. Детей нет».

Прикрепляю архив с портфолио, навожу курсор на кнопку «Отправить» и зажимаюсь. Щелкаю мышкой, и по экрану тут же ползет полоса загрузки.

Прикрываю лицо руками, чувствуя одновременно липкий укол совести и пьянящую надежду. Только что я собственно-

ручно стерла из своей официальной биографии троих детей.

Для Романа Истомина, кем бы он ни был, я теперь свободный кандидат. Главное осталось придумать, как спрятать наличие троих детей и довести проект до конца.

А внутри у меня дикая уверенность, что Истомину понравятся мои работы.

Глава 2

— Мы решили сделать несколько этапов отбора. Поступило очень много предложений. При первичной обработке на текущем моменте мы отобрали самых подходящих кандидатов...

Слушаю, как стелет мой руководитель Нг подразделения.

— Этот ваш текущий момент длится уже неделю, Алексей Олегович?

— Да, каюсь. Однако мы очень тщательно...

Вскидываю руку в воздух.

— Покажите отобранных, потенциально подходящих. Акцент на последнем слове, Алексей Олегович.

Подчинённый трясёт головой как болванчик.

В тотальной тишине он обходит стол, шурша своим пиджаком. Оставляет папку и садится обратно.

— Алла Игоревна, 28 лет, три года опыта в какой-то низкосортной конторке — мимо.

Остальные, сидящие в зале совещаний покорно ждут, пока я изучу резюме.

— Вы с чего решили, что этот экземпляр подходит? — показываю анкету некой Людмилы, у которой ребёнку семь лет: — В мусор.

Семь. Первый класс. Это, мать его, как она работать будет?

Хмуро жду ответа, а мой подопечный звучно сглатывает.
— У неё портфолио...

— Да чхать мне на портфолио, если на первичке вы уже смотрите то, что идёт вразрез с портретом нужного мне сотрудника. Вы вообще, Алексей Олегович, осознаёте и масштаб проекта? Зона культурного наследия, в которую нам позволено вписать свой объект... Вы как думаете, это рядовая жилая застройка?

— Никак нет...

Никак нет, мать его.

Толкаю от себя папку, так что листы разлетаются по глянцевой поверхности стола.

В воздухе висит напряжение, и оно исходит от присутствующих. Видно, осознают, что теперь совещание пойдёт совсем не по тому плану, на который они рассчитывали.

Хмуро разглядываю каждого из сидящих за огромным чёрным столом. Потираю подбородок, понимая, что без собственной руки они не найдут то, что я хочу.

— Каждого кандидата я буду смотреть лично. И всем присутствующим... — ещё раз ловлю нервные взгляды своих подчинённых: — Любой приказ насчёт «Сферы» в приоритет.

Слышится многократное подтверждение услышанного, а мои глаза ловят чёрно-белый снимок...

Смахиваю на планшете следующий слайд, чтобы вернуться к повестке дня.

Но глаза вновь возвращаются на торчащий уголок резюме. Выхватываю лист.

Савельева Таисия Михайловна, 35 лет.

Возраст подходящий, да и опыт тоже. Вела личные проекты, а это уже гораздо интереснее, ответственнее, и как правило, сложнее.

— Портфолио где? — трясущим листом перед носом рядом сидящего Минина.

— Сейчас-сейчас, Роман Андреевич.

Товарищ роется у себя в кипе бумаг, но после протягивает уменьшенные версии её чертежей.

Беглым взглядом прохожусь, но бумага, как и интуиция, уже говорят мне, что стóит пообщаться лично.

— К концу рабочего дня вызвать ко мне на встречу.

— У нас ещё здесь двое...

Он тут же суёт мне ещё какие-то резюме. По минуте на каждого кандидата, и я машинально киваю, увидев нужную мне информацию. А именно: отсутствие детей, мужей, кошечек, собачек...

Хотя про последних можно узнать только из личной беседы.

Не приемлю полумер, а потому если нужны деньги... а плачу я более чем достаточно, то придётся пахать. Возможно, даже без сна.

Задача сделать невозможное возможным, и мне нужна идеально работающая команда, без утренников, больнич-

ных, и соплей из-за усталости.

Совещание проходит в течение часа. Сегодня не сильно мучаю своего коммерческого, потому что все цифры вчера видел сам.

Мою компанию в городе знают, как стоящую мощной скалой и непримиримым успехом... Непримиримым, конечно же, для конкурентов. Но чтобы её создать, я маленькими шагами, терпя неудачи и даже не празднуя победы, шёл к цели. И это не папенькина заслуга или помощь кого-то сверху. Это жизнь впроголодь, работа до изнеможения, и отсутствие развлечений...это система, которой я придерживался годами.

А потому даже если допустить, что проект я потеряю, это удар по репутации, имени и моей личной планки.

Полностью утонув в работе, жду вечера, потому что знаю, что, наконец, получу дозу расслабления.

Коротко пишу Ульяне сообщение, чтобы была готова к восьми. А она не понаслышке знает, как я отношусь к пунктуальности.

Удовольствие, покупаемое за деньги, и получаю я тело, которое становится моим на какое-то время.

И пусть звучит цинично, но это лучше, чем ежедневно приходить туда, куда ты не хочешь. А семью я не хочу. Именно поэтому остерегаюсь разведённых женщин. Они способны дойти до лютой дикости, лишь бы не остаться в одиночестве. Лишь бы чувствовать, что они ещё котируются в этом мире.

Как бы то ни было, но женщины, которые навязывают себя, — это противно. Такую и касаться не хочешь. Потому что знаешь, что взамен она потребует каких-то слезливых признаний, объятий и прочую ересь.

Другое дело, те, кому нужна блестящая безделушка или очередная брендовая сумка. И огромный, самый важный, их плюс — они, сука, любят секс. Чего не скажешь про женщин, которые прошли материнство, развод и всё, то, чего в моей жизни не будет.

— Роман Андреевич, к вам первый кандидат на собеседование.

Дорогие читатели!♥#

Мы с Асей рады приветствовать вас в нашей искрометной, местами смешной, местами драматичной истории!

Будем безмерно благодарны вашей активности и поддержке - это бесценно для авторов и их вдохновения!♥#

Глава 3

Квартира напоминает поле боя после локального апокалипсиса. Алиса плачет над презентацией про тектонические плиты, потому что у нее съехал шрифт. Тёма с упоением размазывает фруктовое пюре по столешнице. Я же пытаюсь оттереть пятно с дивана, когда раздаётся пронзительный звонок с незнакомого номера.

— Таисия Михайловна? — голос в трубке звучит нервно и слегка запыхавшись. — Алексей Олегович, HR-директор «Истомин Девелопмент». Ваш проект прошел первичный отбор. Роман Андреевич готов вас выслушать. Сегодня в восемнадцать ноль-ноль.

— Сегодня? — я бросаю губку. — Алексей Олегович, может быть, завтра утром? У меня...

— Роман Андреевич никого не ждет, — жестко обрубает кадровик. — Либо вы в шесть вечера в нашем офисе, либо я вычеркиваю вашу анкету.

— Я буду.

Сбрасываю вызов и понимаю, что у меня есть всего два часа. Дальше всё происходит как в тумане.

— Кира! — врываюсь в комнату старшей дочери. — Две тысячи рублей на карту, полное освобождение от мытья посуды на месяц, если ты проследишь за мелкими до вечера.

Кира отрывается от телефона, профессионально оценивая

масштаб моей паники.

— Три тысячи, и ты не заходишь в мою комнату без стука до конца года.

— По рукам!

Вытаскиваю из недр шкафа свой единственный костюм.

Последний раз я надевала его еще до беременности Тёмой. Застегиваю молнию на юбке, ткань на бедрах угрожающе трещит. Приходится выдохнуть и втянуть живот.

Волосы стягиваю в тугой пучок, минимум макияжа, только чтобы скрыть тени хронического недосыпа. Хватаю свою объемную черную сумку-шоппер, вытряхиваю из нее крошки от печенья и влажные салфетки, закидываю планшет с эскизами. Тёма путается под ногами, пытаюсь обнять меня за ноги, но я отцепляю его липкие ручки, целую всех троих и вылетаю за дверь.

Офис «Истомин Девелопмент» подавляет с первой секунды. Это царство бетона, стекла и матового черного металла. Здесь царит мертвая тишина, пахнет дорогим кофе и огромными деньгами.

В приемной на кожаном диване уже сидит один кандидат, который тут смеривает меня высокомерным, оценивающим взглядом, но секретарь, заглянув в монитор, произносит:

— Савельева? Проходите. Роман Андреевич ждет вас.

Толкаю тяжелую стеклянную дверь, и сердце бьется где-то в горле.

— Таисия Савельева, — констатирует Истомин, глядя на

меня так, словно сканирует рентгеном. — Проходите.

Опускаюсь на стул напротив, и узкая юбка натягивается так, что я молю всех архитекторов прошлого, чтобы шов выдержал.

Сумку кладу на колени.

— Я видел вашу концепцию «Сферы», — начинает он без прелюдий, откидываясь на спинку кресла. Голос у него низкий, вибрирующий и абсолютно безжалостный. — Эстетически неплохо. Но вы, очевидно, витаете в облаках.

Вы предлагаете парящие террасы в зоне культурного наследия. Вы вообще открывали геоподоснову? Понимаете, что там грунты поплывут при такой нагрузке на фундамент?

Это провокация. Жесткая, наглая проверка на прочность.

Я чувствую, как страх, сковывавший меня в приемной, мгновенно испаряется. Внутри щелкает тумблер, и домохозяйка, мать троих детей, задыхающаяся от долгов, исчезает.

Подаюсь вперед, опираясь руками о его идеальный стол.

— Грунты поплывут, если использовать стандартные буронабивные сваи, Роман Андреевич, — мой голос звучит твердо, я вспоминаю все, что изучала столько лет, корпя над учебниками. — Но если вы внимательно смотрели вторую страницу моего проекта, то увидели бы, что я предлагаю технологию струйной цементации. Мы укрепляем грунт до скалоподобного состояния. А вес террас компенсируется легкими композитными материалами на консолях. Ни один исторический фасад в радиусе километра даже не дрогнет.

Лед в его взгляде дает крошечную метафорическую трещину, и мы начинаем пинг-понг.

Он бросает мне ограничения по инсоляции, я отбиваю углами наклона стеклянных панелей. Он давит бюджетом, я доказываю окупаемость за счет энергоэффективности. Воздух в кабинете искрит. Я вижу, как напрягаются скулы Истомина, как он сверлит меня тяжелым, пронизательным взглядом.

В нем нет ни капли снисхождения к женщине, только абсолютная концентрация на профессионале. И, черт возьми, мне это нравится. Мне безумно не хватало этого драйва.

— Хорошо, — наконец произносит он, — Покажите мне детализацию узлов примыкания к исторической кладке. Прямо сейчас.

— Разумеется. Секунду.

Расстегиваю молнию своей огромной сумки-шоппера, чтобы достать планшет с чертежами, размашисто тяну его наверх. Руки немного дрожат от адреналина.

Планшет цепляет что-то на дне сумки.

Раздается звонкий дребезжащий стук.

Прямо на безупречно отполированный, черный, как смоль, стол Романа Истомина вываливается кислотно-зеленый резиновый динозавр с выпученными глазами. Он делает нелепое сальто и замирает мордой прямо к боссу.

Тишина между нами натягивается невидимой струной. И я ловлю во взгляде Истомина какое-то презрение к тому, что

он видит перед собой.

Кажется, мое сердце просто останавливается.

Истомин медленно, очень медленно опускает взгляд на динозавра. Потом так же медленно поднимает его на меня.

— Это что? — голос тихий, но от этого тона мороз дерет по коже.

Мой мозг переходит в режим аварийного выживания.

— Тираннозавр рекс, — спокойно отвечаю, небрежно смахивая игрушку обратно в сумку, — Племянник заезжал в гости, а этот мелкий террорист обожает подкидывать свои сокровища мне в сумку.

Я смотрю Роману Истомину прямо в глаза, не моргая. И кажется, я даже не дышу...

Если я сейчас отведу взгляд — он поймет, что я вру.

Истомин сверлит меня взглядом, проверяя на вшивость, и препарирует мою выдержку. Я физически ощущаю его ауру власти, но продолжаю держать зрительный контакт, мысленно умоляя пульс на шее не биться так сильно.

Наконец, он неуловимо кивает.

Убежденный холостяк, очевидно, удовлетворяется этим ответом. Или, по крайней мере, оценивает мою непробиваемую, железобетонную наглость.

Для человека, у которого нет своих детей, наличие племянника звучит как удобная, отдаленная помеха, с которой можно мириться, пока она не маячит перед глазами.

— Узлы примыкания, Таисия Михайловна, — ровно про-

износит он, возвращая нас к теме, словно инцидента с динозавром только что не было.

Но я замечаю, как едва уловимо расслабляются его плечи. Настолько не переносит детей? Или женщин с детьми?

Сглатываю комок в горле, разблокирую экран планшета и разворачиваю к нему чертежи.

— Вот. Я использую демпферные прокладки между исторической кладкой и несущим каркасом трибун. Это гасит вибрацию не только на этапе строительства, но и при дальнейшей эксплуатации.

Истомин наклоняется ближе к экрану, и его лицо теперь совсем рядом. Я улавливаю тонкий, терпкий запах его парфюма.

Мужчина скользит взглядом по сложным сплетениям линий на экране. Я вижу, как его длинные, сильные пальцы машинально отстукивают рваный ритм по столешнице.

Проходит минута. Вторая.

Я боюсь даже вздохнуть, чтобы не сбить эту невероятную рабочую тишину, в которой сейчас решается моя судьба.

Вдруг Истомин резко поднимает голову. Наши взгляды снова сталкиваются, и на этот раз в его глазах я вижу тот самый неподдельный интерес к моей работе.

— Это смело, — говорит он, откидываясь в кресле. — И чертовски рискованно. Вы заставляете подрядчика работать с ювелирной точностью.

— Вы строите для вечности, Роман Андреевич, или мы

сейчас обсуждаем типовой торговый центр на окраине? — парирую я, сама пугаясь своей дерзости.

Уголок его губ едва заметно дергается вверх. Всего на долю секунды.

— Вы приняты на испытательный срок, Таисия Михайловна.

Я даже не успеваю обрадоваться, как он тут же гасит возникшую на моем лице улыбку.

— Но не обольщайтесь, — тут же осаживает Истомин, наклоняясь вперед и упираясь пронзительным взглядом в мое лицо. — «Сфера» — мой флагман. Ошибок, халтуры и отговорок я не прощаю. Плачу я выше рынка, но взамен покупаю ваше время, ваш мозг и вашу абсолютную преданность проекту. Племянник, собака, троюродная тетя меня не волнуют. Завтра в восемь утра жду вас на объекте. Мы проводим тестовое бурение.

Он делает паузу, и его голос становится тихим и опасным:

— Опоздаете хотя бы на секунду, можете разворачиваться и ехать домой. Мы поняли друг друга?

— Более чем. В восемь буду на площадке.

Поднимаюсь, забирая планшет с динозавром-террористом на дне сумки, вежливо киваю и разворачиваюсь к выходу. Спиной чувствую его тяжелый, изучающий взгляд. Заставляю себя идти ровно, с достоинством, не ускоряя шаг.

Стеклянная дверь кабинета плавно закрывается за моей спиной, отсекая меня от Истомина.

Ноги дрожат. Сердце колотится так, что болят ребра. Я сползаю по стенке вниз и в этот момент слышу предательский треск. Не выдержав нервного напряжения и моего резкого наклона, на юбке лопаются швы. Где-то в районе бедра.

Начинаю истерически смеяться, прикрывая лицо дрожащими ладонями.

Хорошо, что лопнула юбка, а не моя карьера, так и не начавшись... Осталось только быть предельно аккуратной, чтобы никакие динозавры больше не смущали Истомина.

Боюсь, что Роман Андреевич не фанат мезозойской эры.

Глава 4

— Кира, — сажусь напротив старшей дочери.

Я очень хорошо знаю, что нельзя манипулировать детьми. Но с моими, если бы мне даже захотелось, едва ли это получится.

— Ну что ещё?!

Она стягивает наушник, а я пытаюсь размеренно дышать.

— Нам нужен план...

Дочь непонимающе корчит лицо, и за этот лоб в морщинах я готова дать ей щелбан. Но сейчас мне нужна её полная вовлечённость, а потому я использую запрещённый приём.

— Если меня возьмут на работу, я с первой же зарплаты смогу купить тебе айфон.

Дочь сначала с неверием хмыкает, но когда видит, что я словно статуя жду, пока до неё дойдёт, наклоняется над столом.

— Реально?

Молча киваю.

— Мам, что с тобой? — хмурится она: — Ты же говорила...

— Если меня возьмут на работу...

— А долги, ты сказала, что счёт за свет, что там ещё...

— Я и это смогу оплатить, и телефон тебе купить...

— А ботинки Теме...

— Тоже.

Дочь замолкает, уже стаскивая и второй наушник. То, что мне было нужно.

— И ты взамен, конечно же...

— Конечно, — киваю со звучным хмурым: — А ты думаешь, я потрачу почти сто тысяч просто потому, что ты у меня красивая дочь?

Она морщится, но ответ принимает.

— Кир, мне временно нужно, чтобы ты отводила, забирала и сидела с ними до моего возвращения...

Дочь округляет глаза.

— А возвращение это когда?

Тут у меня выходит заминка, потому что Истомин чётко дал понять свои намерения. Смотрю на дочку, кривя лицо, а та закатывает глаза...

— Я найму няню...

— Всё с той же зарплаты, я поняла, — она встаёт из-за стола, а мне буквально хочется рычать.

Это ведь такой проект! Чёрт! Он мне нужен... во всех смыслах.

Я устала быть никем, кроме матери... Я хочу быть тем человеком, который использует свой мозг, а не оставляет его ежедневно с «синим трактором».

— Пожалуйста, — я почти шепчу и дочь поворачивается на меня.

На её лице та же маска агрессии на этот мир, потому что у

неё пубертатный период уже в процессе, потому что ей много всего «надо» делать. А я смотрю в её лицо, вспоминая, как была счастлива увидеть её впервые, и почти не верю, что это была она.

Нет, конечно, я обожаю всех своих детей, но она первая...

— И когда ты хочешь начать мой ад?

— Завтра...

— Класс, мам!

Она цокает, а я прикрываю глаза. Молча она уходит в свою комнату. А я, наконец, сижу в тишине квартиры, в который раз прокручивая сегодняшний разговор с Истоминим.

Это будто глоток воздуха, когда ты вылез из постоянного облака смога.

Ложусь спать в надежде, что мой план удастся. Наряд на завтра готов, даже для завтрака я всё приготовила с вечера. Остается лишь довериться старшему ребёнку и пойти прогрызть себе путь из того, во что бывший муж превратил мою жизнь.

Будильник даже не успевает сработать, а я уже вскакиваю с кровати. Даю себе чёткое время на подготовку. Сначала на кухне, себе кофе, Алисе хлопья, Тема с кашей, Кира сама соберёт себе бутерброд.

Потом лечу в ванную и позволяю себе ещё полчаса на подготовку. Всё тот же, лёгкий макияж, волосы в низкий пучок, мы, в конце концов, на объекте будем, а они будут мешаться.

Натягиваю джинсы, идеальный вариант, и для меня и

стройки, блузка, а сверху будет короткое пальто, которое я уже даже и не знаю, когда надевала.

— Кира, — стучусь в комнату к старшей.

— Я помню мам, иди уже... — слышится сонное бормотание.

— Кир, время...

— Да знаю! Кстати, — дверь резко открывается: — Ты помнишь, я сегодня должна с папой встретиться...

Конечно, я не помню.

Я вообще всё, что касается его, стараюсь не вспоминать. Особенно, учитывая, что я осталась с тремя детьми, а алиментов там даже на одного не наскребёшь.

Но как же, там сложная беременность у любовницы, ставшей женой.

— Да. И когда я буду заканчивать, я позвоню.

Разворачиваюсь, чтобы зайти в комнату к младшим. По очереди бужу и целую. Алисе я вчера ещё сказала, а вот Теме лучше даже и не знать о планах мамы.

Всю дорогу я молюсь на зелёный свет на светофорах, убирая с соседнего сидения игрушки, погремушки и бесконечные детские салфетки, торчащие из-под сидения.

Голова в то же время пытается ещё раз пройтись по проекту и найти изъяны. Учитывая поведение Истомина, он может прикопаться даже к мелочи... Но я сама слишком люблю детали, а потому уделяю им особенное внимание.

Когда паркуюсь у ограждения, взгляд невольно ползёт

вверх, рассматривая великолепие исторической постройки. Даже в своём потрёпанном виде оно восхищает. И здесь очень резонансно будет смотреться наша сфера. И в то же время это будет приковывать взгляд своей невозможностью и новой подачей культурного наследия.

Ухмыляюсь над тем, что я уже называю проект "нашим".

Хватаю сумку, время без пяти восемь. На кофе, конечно, не хватило времени заехать, но потерплю.

Ставлю свой старенький Ситроен на сигнализацию, чуть морщась от того, что не мешало бы его помыть после всей грязищи в момент таяния снега...но позже.

Мимо нас в этот момент проезжает блестящий чистотой и чёрным металлом Майбах, и сразу внутри возникает ощущение, что я даже в размерах уменьшаюсь.

Автомобиль паркуется рядом, и я уже знаю кто это. Нетрудно догадаться по классу автомобиля.

Истомин выходит, одёргивая полы своего пиджака и бросая взгляд на мою машину.

Вижу его вздёрнутую бровь, но цепляю исключительно профессиональную улыбку.

— Доброе утро, Роман Андреевич.

Он подходит ближе и вновь посылает взгляд на мою машину. Хмурюсь, не понимая, что происходит.

— Видно от вашего племянника любовь к динозаврам и вам передалась?

Обхожу машину, и...мать-перемать!

На окне висит защита от солнца, а на ней динозавры. Ну кто виноват, что в детском мире сейчас буквально все с этими стегозаврами, спинозаврами...

— Машину сестра забирала, а сейчас, как она говорит, у малышни мода такая, — озвучиваю, держа невозмутимое лицо: — Так что теперь и я в тренде. — поджимаю губы и указываю на здание: — Может быть, приступим?

Мужчина всё это время стоит, засунув руки в карманы. Своим холодным голубым взглядом он буквально испепеляет меня.

— Роман Андреевич, доброго утра. Спасибо вам ещё раз за предоставленную возможность. Поработать с такой концепцией... — резко оборачиваюсь, глядя на спешащего к нам мужчину в коричневом пальто.

Взгляд прищуривается, и я веду им тут же на Истомина. Незнакомец в это время жмёт руку, как я понимаю по тубусу, нашему работодателю, а я в непонимании готова чуть ли не рот разинуть.

— Теперь мы можем приступать.

Хлопаю глазами на то, как уверенной, даже немного ленивой походкой, Истомин двигается через раскрытый шлагбаум на территорию объекта.

Глава 5

— Знакомьтесь, — бросает Истомин, даже не оборачиваясь к нам, пока мы идем к бытовке. — Артур Эдуардович Волянский. Выпускник миланской школы архитектуры. Таисия Михайловна Савельева. Выпускница суровой московской реальности. Вы оба на испытательном сроке. Получите этот проект, только если докажете, что ваши чертежи можно построить, а не только повесить в рамочку на стену.

Артур Эдуардович, обладатель щегольского кашемирового пальто цвета кэмел и идеальной укладки, окидывает меня снисходительным взглядом. Я смотрю на его замшевые итальянские лоферы, потом на весеннюю грязь стройплощадки, раскатанную гусеницами экскаваторов, и мысленно начинаю обратный отсчет до истерики миланского гения.

Возле бытовки нам выдают белые каски. Артур брезгливо протирает свою влажной салфеткой, прежде чем водрузить на идеальную прическу.

Я же натягиваю свою прямо на пучок, застегиваю ремешок под подбородком и чувствую себя так, словно надела корону.

Мы заходим на объект.

Грохот свайного копра бьет по ушам. Вокруг снуют рабочие, визжит болгарка, в воздухе висит плотная взвесь бетонной пыли. Артур вздрагивает от каждого громкого звука и

идет на цыпочках, пытаясь спасти свои драгоценные лоферы от чавкающей жижи.

Визг болгарки? Подумаешь. Вы просто не слышали, как Алиса репетирует на флейте, пока Тёма бьет половником по кастрюле. По сравнению с моим воскресным утром, здесь просто камерная обстановка.

Истомин ведет нас прямо к глубокому котловану, где около железобетонных блоков стоит огромный, красный от натуги мужчина в оранжевой куртке. Он яростно машет руками и орет на экскаваторщика так, что перекрывает шум техники.

— Михалыч, — спокойно зовет Истомин, подходя ближе. Босса грязь, кажется, вообще не пачкает. Она просто не смеет к нему прилипнуть. — Вот тебе два наших потенциальных главных архитектора. Можешь задать им свой вопрос.

Прораб Михалыч, гора мышц и не истраченной ярости, медленно поворачивается к нам. В его руках скомканный лист формата А3.

— Кто из вас это нарисовал?! — ревет Михалыч, тыкая толстым пальцем, испачканным в мазуте, в чертеж. — Я вам как должен этот узел к исторической кирпичной кладке крепить?! Вы вообще видели, в каком состоянии там кирпич? Да я только перфоратор поднесу, и всё здание девятнадцатого века осыплется мне на голову! Архитекторы хреновы!

Артур, желая проявить инициативу перед Истоминим, выступает вперед. Он поправляет воротник кашемирового

пальто и выдает поставленным, лекторским голосом:

— Видите ли, уважаемый... согласно нашей концепции когезии эко-пространства и исторического контекста, нагрузка распределяется посредством бионических консолей. Мы должны смотреть на здание как на живой организм...

Лицо Михалыча начинает приобретать опасный фиолетовый оттенок. Я понимаю, что если миланский гений произнесет еще хоть одно слово вроде «когезия» или «бионика», прораб просто зароет его в этом котловане, и никакая полиция не найдет.

Вздыхаю. Давай, Тася, это твой шанс!

Включаю протокол «многодетная мать в стадии крайнего истощения нервной системы».

Тот самый тон, которым я останавливаю Киру от покраски волос в зеленый цвет, а Тёму от поедания кошачьего корма. Голос падает на пол-октавы вниз, становясь тихим, ласковым, но прошитым сталью.

— Михалыч, — произношу я, делая шаг вперед.

Прораб осекается и удивленно смотрит на меня.

— Дышим носом, — так же спокойно продолжаю, глядя ему прямо в глаза. Я знаю этот типаж. Это просто раскапризничавшийся двухлетка, только весом в сто двадцать килограммов и с щетиной. — Дайте мне маркер. И чертеж.

Михалыч, моргнув от неожиданности, покорно протягивает мне толстый строительный маркер и разворачивает памятный лист.

— Мне нужна твердая поверхность, — констатирую я, оглядываясь.

Стена далеко, Истомин незыблемо стоит сложив руки на груди, с явным интересом наблюдая за этим цирком.

Мой взгляд падает на Артура. Идеальная высота.

Я подхожу к нашему миланскому выпускнику.

— Артурчик, стой смирно и не дыши, — командуя я.

Прихлопываю чертеж прямо к его груди, впечатывая лист в дорогущее кашемировое пальто, и начинаю быстро чертить маркером.

— Эй! Вы что делаете?! Это Лора Пьяно! — взвизгивает Артур, пытаясь дернуться.

— Замри, я сказала, — невозмутимо чеканю, даже не моргнув, и Артур замирает, как кролик перед удавом.

Обращаюсь к прорабу:

— Смотри сюда, Михалыч, никакого перфоратора. Мы делаем химические анкера. Вот здесь и здесь, — я ставлю жирные точки на чертеже, прямо на уровне дизайнерских пуговиц Артура. — Засверливаемся безударным методом по швам, закачиваем двухкомпонентную смолу. Она кристаллизуется и намертво хватает анкер, не разрушая твой старый кирпич. А консоль вешаем уже на эти шпильки. Понятно?

Михалыч склоняется над грудью Артура, сопя носом. Вчитывается в мои каракули.

— Хим-анкера, значит... — прораб чешет затылок грязной рукой, оставляя на белой каске черную полосу. — Без-

ударным? А шпильки какой длины брать?

— Триста миллиметров. М20. И смолу бери зимнюю, чтобы схватилась при нашей температуре.

Михалыч поднимает на меня взгляд. Фиолетовый цвет сошел с его лица. Теперь он смотрит на меня с почтительностью, с которой прайд смотрит на главную львицу.

Ну ладно, с прайдом это я, конечно, замечталась.

— Понял. Сделаем! — он аккуратно забирает чертеж с груди Артура. — Нормальная тема. Не то что эта ваша... эхокогезия-шмогезия. Напридумывают слов, тьфу!

Прораб разворачивается и уходит раздавать пинки экскаваторщику.

Я отбираю маркер у тяжело дышащего Артура, который с ужасом осматривает вмятины на своем пальто, и поворачиваюсь к Истомину.

Он по-прежнему стоит, засунув руки в карманы брюк, но выражение его лица неуловимо изменилось. В глазах плещется что-то очень похожее на одобрение, тщательно скрытое за привычным холодом.

Уголок его губ дергается, Истомин изо всех сил борется с желанием усмехнуться.

— Эффективно, Таисия Михайловна. Ваша стрессоустойчивость впечатляет, — ровно произносит он. — Правда, Артур Эдуардович, кажется, нуждается в химчистке.

— Издержки производства во имя искусства, Роман Андреевич, — пожимаю плечами.

Господи, неужели я это вслух сказала?

Но Истомин вдруг переводит взгляд с меня на котлован и уже совершенно серьезным, жестким голосом отрезает:

— Искусство начинается там, где заканчивается балаган. Идем дальше. Нужно проверить монолиты.

Он разворачивается и чеканит шаг по бетонным плитам. Я иду следом, чувствуя, как адреналин сменяется теплой волной триумфа.

Разруливать конфликты взрослых мужиков на стройке — это именно то, ради чего я училась шесть лет. Ладно... На самом деле это все декретный опыт.

Поверьте, для любой мамы это сущие пустяки. Правда ведь, девочки?

И хотя впереди еще несколько часов работы, я точно знаю, что этот раунд остался за мной. А миланский гений пусть пока салфетками пальто оттирает.

Лора Пьяно... Рада за его Лору, что она пьяна.

Глава 6

Обход по объекту уже длится порядка пяти часов. Миланский эстет со своей пьяной Лорой учтиво кивает на всё, что говорит Истомин. Правда, за спиной, пытаясь обойти очередную лужу из глины, грязи и бетона, он морщится, словно ему нужно поменять сейчас наполненный памперс.

— Артур, тебе не сказали, что работы уже ведутся, — хмыкаю я, не выдержав затянувшегося молчания при переходе в другое крыло.

— Таисия Михайловна, — снисходительно говорит он: — Не стоит сейчас показывать ваш искрометный ум.

— О, поверьте, — а мы, оказывается, обидчивые: — Я и не думала...

Истомин, убеждена, всё это слушает, но вида абсолютно не подаёт. Немудрено, что он один из лучших в городе. Если лично курирует проекты и не скупится на производственную часть, то это достойно похвалы.

— Роман Андреевич, я вчера после нашей встречи много думал и, — пьяная Лора мнётся, чтобы руки Артура достали тубус: — Набросал несколько вариантов внешнего фасада. И да, концепция уже утверждена в городских структурах, но...

Он разворачивает проектный лист, а там варианты фасадов здания. Вижу, что это не рабочка и даже немного выдыхаю.

Значит, не было ни этой задачи, ни тем более проработки с точки зрения самой конструкции и архитектуры.

Истомин прищуривается и сканирует глазами итальянского друга, и только после переводит взгляд на бумагу.

Наблюдаю, как буквально затаив дыхание стоит Артурчик, а вместе с ним и я.

У меня нет никаких вариантов. Я работала только с тем, что изначально было в техническом задании, ещё при отборе. И я не понаслышке знаю, что делают с инициативой, а потому в надежде жду, что окажусь права.

Истомин долго всматривается в бумагу. Молчит. И чёрт его разбери по этому каменному лицу, какой вердикт он выдаст.

— Таисия Михайловна, что думаете? — вдруг бросает он.

Сглатываю, но не показав смятения, подхожу с другой стороны.

Не сильно видно, потому что мы стоим прямо на неосвещенном закутке второго крыла здания. Но я всё же не вторгаюсь в личное пространство, оценивая изменения от той концепции, которая уже есть.

— Даже если допустить, что городская архитектура примет концепцию на пересмотр, то... — чувствую взгляд Истомина на своём лице, и это заставляет нервничать: — Это слишком, — посылаю взгляд на беднягу Артура: — Вычурно, что ли.

Подбираю нужное слово, а потом пытаюсь объяснить свою

МЫСЛЬ.

— Понимаете, — я даже руками жестикулирую, потому что эмоции идут впереди меня: — Здесь же по сути, встречаются несколько эпох, и то, что мы добавляем немного стекла и металла, не выглядит вторжением, а скорее...соединением. Вплетением чего-то современного для поддержания того, что мы всеми силами обязаны сохранить... Да и, безусловно, изменения потребуют корректировок всей документации, однако, ввиду изменений крепления, потребуется усиление и прежде необходим консилиум с конструкторами и архитекторами...

Смотрю на них обоих. Артурчик, понятно, со скепсисом чуть ли не фырчит. А вот Истомин никак не реагирует на мою речь.

— Так не бывает. Я про эпохи... — слышу голос своего негласного оппонента: — Одно либо заменяет другое, либо нет. Да, это циклический процесс, потому что даже в этом есть мода, помимо строгих форм согласования и общего внешнего вида, но...

— Вы имеете право на свою точку зрения, я на свою, верно? — говорю с улыбкой, потому что уж доказывать этому товарищу я точно ничего не собираюсь.

Как говорится, не я плачу деньги, а если бы платила, то подобных экспериментов с той архитектурой и материалом, который мы не используем, даже и не было бы.

— Роман Андреевич...

— Передайте в наш проектный отдел, — кивает он, перебивая.

Своего мнения он не озвучивает, и это немного сбивает с толку. Но сразу было понятно, что уж нам рассказывать он ничего не должен.

Идём к следующему узлу, и как раз в этот момент буквально перекрикивая голоса рабочих и технику, орёт мой телефон.

Судорожно лезу в сумку, хоть я и иду сзади, убеждена, что начальство слышит.

Скидываю звонок и пытаюсь на ходу написать сообщение Кире.

Только хочу убрать свой мобильный, как он снова хочет закричать. Благо успеваю нажать на кнопку, чтобы убрать звук.

Она бы не трезвонила, если бы всё было в порядке... Тревога тут же, медленным облаком кружит над головой. Чувствую, как по позвоночнику ползет холодок.

— Проблемы?

Слышу низкий голос и резко отрываю глаза от экрана. Истомин, вздернув бровь, стоит в ожидании моего ответа.

— Нет, нет... — цепляю нервную улыбку и шагаю ближе к ним.

Я не могу сейчас всё испортить. Просто не имею права.

Долг по ЖКУ растет, детям нужны новые вещи, а холодильник скуден настолько, что они скоро будут убежать есть

в школьную столовую.

Телефон в руке вновь вибрирует, мешая моим показательно уверенным шагам. Только это уже сообщения одно за другим падают в мессенджере, что я даже не успеваю толком и прочитать.

«Мам!»

«Я до тебя не дозвонилась»

«Папа уже к нам едет»

Глава 7

Смотрю на экран, и мир вокруг на секунду перестает существовать. Шум экскаватора, голос миланского эстета, тяжелый взгляд Истомина — всё сливается в белый шум.

Мой бывший муж едет к детям в разгар рабочего вторника? Человек, который вспоминает об их существовании только по большим праздникам, и то, если ему напомнит об этом его новая жена?

Случилась катастрофа. Не иначе.

Пальцы на автомате, быстрее скорости света, набирают ответ Кире:

«Что стряслось?! Почему он едет?! Не пускай его, пока не скажешь мне!»

— Савельева.

Голос Истомина бьет как хлыстом. Мгновенно засовываю телефон в карман пальто и поднимаю глаза. Роман Андреевич стоит в трех шагах от меня. Его руки сложены на груди, а во взгляде плещется подозрение, густо замешанное на раздражении.

— Вы здесь, чтобы курировать монолитные работы, или у вас там срочные торги на бирже? — интересуется он с обманчиво вежливой интонацией.

— Прошу прощения, Роман Андреевич, — я делаю глубокий вдох, заталкивая материнскую панику куда-то в рай-

он селезенки. Натягиваю на лицо маску абсолютной невозмутимости. — Навязчивый спам. Подрядчики по прошлому объекту не могут успокоиться. Так что вы говорили о гидроизоляции цоколя?

Артур Эдуардович рядом со мной тихонько фыркает, явно радуясь моему проколу.

Мы идем дальше по бетонным перекрытиям. Я киваю, вставляю профессиональные комментарии, уверенно оперирую СНиПами, а сама физически чувствую, как в кармане раскаляется телефон.

Наконец, Истомин отворачивается к Артуру, чтобы разнести в пух и прах его идею по фасадным панелям. Я отступаю на полшага назад и незаметно, прикрываясь полрой пальто, вытаскиваю мобильный.

На экране фотография от Киры.

Открываю ее и едва не давлюсь воздухом. На фото мой двухлетний сын, а на его голове плотно, до самых бровей, сидит кастрюля из нержавеющей стали. Из-под кастрюли торчат только пухлые щеки и заплаканный рот. Тёма похож на очень грустного, маленького тевтонского рыцаря.

Внизу подпись от Киры:

«Он играл в космонавта и застрял! Орет дурниной! Я испугалась и позвонила папе. Папа сказал, что везет ножовку по металлу!!! Что делать?!»

Ножовку. По металлу. К голове моего ребенка.

Из моего горла вырывается звук, похожий на сдавленный

писк умирающей чайки. Я просто не успеваю его заткнуть.

Разговор впереди мгновенно смолкает. Истомин медленно оборачивается. В его глазах ледяной холод пополам с абсолютным вниманием. Он сканирует мое лицо, мою неестественную позу и судорожно сжатый телефон.

— Таисия Михайловна, — голос босса звучит опасно тихо. — Я начинаю сомневаться в вашей стрессоустойчивости. Что вас так шокировало в вашем телефоне, что вы разучились дышать?

Мой мозг впадает в состояние квантовой суперпозиции. Мне нужно спасти сына от болгарки бывшего мужа и спасти свою карьеру от полного провала.

Одновременно.

— Искусство, Роман Андреевич, — выдаю я абсолютно ровным голосом, глядя ему прямо в глаза.

— Простите? — его левая бровь медленно ползет вверх.

— Современное искусство. Бывший коллега-скульптор прислал концепт, — я делаю вид, что безглаголю морщусь, и, рискуя всем, поворачиваю экран телефона к мужчинам. Издалека. Мельком. Так, чтобы было видно только металлическую сферу на непонятном фоне. — Формализм. Разрушение личностных границ через кухонную утварь. Это настолько ужасно, что я не сдержала эмоций. Полная безвкусица.

Истомин щурится, вглядываясь в экран с высоты своего роста.

— Выглядит как кастрюля на чьей-то голове, — конста-

тирует он с пугающей проницательностью.

У меня по спине течет холодный пот.

— Вот именно! — горячо поддакиваю я. — Я ему так и написала: Саша, это примитивизм! Как можно интегрировать это в современные пространства? Думаю, что воздержусь от коллабораций с ним для будущих проектов.

Артур, желая показать свою эрудированность перед шефом, тут же встречается, поправляя воротник своей грязно-кэмеловой Лорки:

— Ну почему же. Если рассматривать это через призму постмодернистского инфантилизма...

— Артур Эдуардович, избавьте меня от этого словесного мусора, — жестко обрубает Истомин, отворачиваясь. — Савельева, уберите телефон, чтобы я его больше не видел.

Как только они отворачиваются к чертежам, мои пальцы превращаются в пулеметную очередь:

«МАСЛО! Подсолнечное масло ему на уши и шею! И крути аккуратно! Отца с болгаркой к Теме не подпускать, если он притронется к ребенку инструментом, я распилю его самого на мелкие фракции!»

Отправляю и прячу телефон в карман. Делаю глубокий вдох и решительно шагаю к боссу.

— Роман Андреевич, если вернуться к инсоляции восточного крыла... — мой голос звучит как виолончель, хотя внутри буквально извергается вулкан.

Следующие двадцать минут я доказываю Истомину необ-

ходимость изменения угла кровельных панелей, параллельно лоя фантомные вибрации в кармане.

Босс гоняет меня по технической части так, словно я сдаю госэкзамен. Артур периодически пытается вставить слово, но после моего пассажа про «инфантилизм в архитектуре» Истомин смотрит на него со скукой.

Мы доходим до самого края котлована.

— Ладно, — Истомин, наконец, кивает, делая пометку в своем планшете. — Ваша аргументация по кровле принята, Савельева.

Это победа!

Я с трудом удерживаю лицо от счастливой улыбки. В этот момент телефон в кармане отчетливо жужжит.

Делаю вид, что поправляю каску, а второй рукой нажимаю кнопку разблокировки, бросая взгляд вниз.

Два слова и фото.

«Сняла! Жив»

На фото красный, блестящий от подсолнечного масла, но дико довольный Тёма поедает печенье. Кастрюля валяется на фоне.

И следом второе сообщение:

«Дверь не открыла. Папа орал через порог, требует 1000 рублей за бензин, раз мы отказываемся от спасения. Переведешь?»

Я не выдерживаю и тихо, с облегчением фыркаю, мгновенно стирая эмоцию с лица.

Каков наглец! Просто невыносимый мужчина... И почему все его говно не вылезло в самом начале?! Если бы я только знала, за кого выхожу замуж...

— Опять искусство? — не поворачивая головы, иронично спрашивает Истомин.

— Нет, Роман Андреевич, — спокойно засовываю телефон обратно в карман, чувствуя невероятную, пьянящую легкость. Мой ребенок жив, квартира цела, бывший муж остался за дверью, а босс только что похвалил мою работу по кровле. — Просто подрядчики, наконец, осознали, что неустойку придется платить им.

Истомин поворачивается и смотрит долго и изучающе на меня в упор. В его холодных, расчетливых глазах снова появляется то самое выражение, похожее на искренний интерес.

— Вы опасная женщина, Таисия Михайловна, — произносит он, и уголки его губ едва заметно вздрагивают в подобии улыбки. — Идемте. Посмотрим, что ваш миланский коллега скажет про несущие опоры.

Глава 8

Измотанная этим днём, но наполненная какой-то небывалой эйфорией, этими запахами и звуками стройки, возвращаюсь к своей машине.

Не знаю, что там думает Истомин по итогу сегодняшнего дня, но я собой довольна.

— Что же, — слышу вдруг голос догоняющего меня эстета: — Не думал, что это скажу...

Он смотрит чуть свысока, и ему только пилочки для ногтей не хватает, честное слово.

Чёрт. Ногти! Я же забыла отменить запись...взгляд ведёт на свой уже выдавший эту жизнь маникюр.

Ну ладно, сама чуть подправлю, а потом получу деньги и сразу схожу.

— Что же за такая удивительная мысль вас посетила, Артур Эдуардович...

Останавливаюсь, глядя на него.

— Пусть ваши способы и отдают какой-то грубым мужицким флёром, есть в них доля правды.
— Доля? — усмехаюсь я, качая головой на его метафоры.
— Вы ведь видите постройку, здесь одно неверное движение и мы все пропали, а вы предлагаете...
— Ювелирную точечную работу, которая в конце предаст совершенно потрясающую...
— Так, —ставляю руку вперёд: — Дорогой мой человек, я ужасно хочу снять с себя эти джинсы, потому что они давят мне на талию. Плюс я голодная, и ты даже не представляешь, на что я способна, если через десять ми-

нут я не сделаю глоток обжигающего ароматного кофе. Поэтому давай сейчас ты отряхнёшь своё пальто от цементной грязи и пойдёшь дальше, компрендо?

Двигаюсь мимо вытянутого лица этого кашемирового тела и нажимаю на брелок. Он там что-то в ответ причитает, а потом, гордо вскинув подбородок, идёт мимо.

Закидываю тубус и выдернутые проектные листы на заднее сидение.

— Таисия Михайловна, — низкий рокот раздаётся совсем близко, и я подпрыгиваю на месте, а рука невольно замахивается.

Истомин стоит около моей нечистой машины. Но разве грязь вообще видит его? Конечно, нет. Зато я наверняка вся перемазанная, как и товарищ Пьяно. Обувь так в приличном таком слое глины с примесью цемента.

— Боже, вы до греха доведёте... — смотрю на него, а сердце стремится куда-то к горлу.

Вижу, как он чуть прищуривает взгляд.

— С вашей талией я, конечно, сделать ничего не могу. Но для успокоения вашей души, — он тянет стаканчик кофе и какой-то бумажный пакетик: — Чтобы не сожрали мне нашего итальянского друга.

Вот, наверное, надо отказать, но запах зернового кофе из стаканчика буквально заставляет чувствовать себя дикой.
Истомин смотрит в глаза, и заставлять его ждать — точно плохая идея.

Опускаю глаза на неожиданный перекус из его рук.

— Спасибо, Роман Андреевич, — киваю, протягивая руку: — Но таких, как мой дражайший коллега, я

обычно употребляю на завтрак. А сейчас уже время ужина.

Забираю еду, вскидывая глаза на своего начальника. Вижу этот намёк на усмешку в глазах, но он молча разворачивается и двигается к своему Майбаху.

— Завтра в семь, Таисия Михайловна, — говорит он уже в воздух, садясь в свою машину.

Выпускаю воздух из лёгких только тогда, когда дверь захлопывается. Смотрю на стаканчик и, наконец, делаю медленный глоток. Прикрываю глаза от того наслаждения, которое буквально делает этот день лучше.

Господи. Надо было взять с собой термос, честное слово. Так, хоть бы человеком себя чувствовала.

Слышу, как вибрирует телефон, достаю. Десяток сообщений Киры с тем, что она устала, что Алиса её не слушается, а Тему никак не отмыть от масла.

Тихо посмеиваюсь, облокотившись на корпус машины, позволяю себе ещё пару глотков и понимаю, что пора возвращаться в свой любимый и громкий шапито.

Соскучилась по ним безумно.

Сажусь в машину, заглянув наконец в пакетик с кофейни. Аппетитный кусок пирога сиротливо ждёт своей участи.

Закрываю обратно, отдаю Кире, она любитель посидеть в кофейнях.

— Мама! — спустя час с лишним тема орёт, несясь ко мне на всей скорости.

Главное, чтобы не свернул... а то если не затормозит, здравствуй, травмпункт. Мы там уже как те самые любимые родственники.

— Привет, родной! — быстро стаскиваю обувь.

Ловлю его, когда

он хочет сменить траекторию. Зацеловываю пухлые щёки, замечаю даже остатки масла в ушах.

Он что-то тараторит без умолку. В этот момент в коридор входит явно надутая заплаканная Алиса, а за ней, скрестив руки на груди, злая Кира.

Одними губами говорю спасибо старшему ребёнку, но она, скорчив лицо, уходит в свою комнату, громко хлопнув дверью.

Алиса подходит ближе.

— Мамочка, скажи ей! Она грубая, и она злая! — Алиса обнимает меня за ноги.

Глажу её макушку, уворачиваясь от Тёмкиных шаловливых рук, вздыхаю, глядя вслед Кире.

Нет, надо поговорить с их отцом. Если дальше так пойдёт, то я даже не знаю, кто первый сломается: они или я.

Глава 9

На то, чтобы отмыть Тёму от остатков подсолнечного масла и уложить младших спать, уходит еще два часа. Когда в детской, наконец, воцаряется тишина, прерываемая только ровным сопением Алисы, я чувствую себя так, словно по мне проехал каток. Тот самый, со стройки исторического фонда.

Тихо прикрываю дверь и иду в комнату старшей дочери.

Стучу. Ответа нет. Приоткрываю — Кира лежит на кровати в наушниках, уставившись в потолок. Бумажный пакет из кофейни пуст, на столе только крошки от моего несъеденного куска пирога. И на том спасибо.

Сажусь на край ее кровати. Кира нехотя стягивает один наушник.

— Прости меня, — тихо говорю я, убирая прядь волос с ее лица. Она дергается, но не отстраняется. — Я знаю, что требую от тебя слишком многого. Это был адский день.

— Он требовал тысячу рублей за бензин, мам, — голос Киры дрожит, выдавая, что за колючим панцирем подростка скрывается напуганный ребенок. — Сказал, что мы неблагодарные, раз не пустили его с ножовкой.

— Ты всё сделала правильно, — твердо произношу, сжимая ее руку. — Ты спасла брата от крайне сомнительной стрижки. А с отцом я поговорю. Спи, малыш.

Выхожу на кухню. На часах половина двенадцатого ночи.

Опускаюсь на табуретку, обхватывая чашку с давно остывшим чаем, и набираю номер бывшего мужа.

Гудки тянутся бесконечно долго. Наконец на том конце раздаётся бодрый, даже слишком расслабленный голос:

— Тася? Поздновато звонишь. Мы с Леной уже отдыхаем.

В этом весь Женя. Мягкая интонация, ласковое обращение и мгновенное обозначение личных границ, за которые мне нельзя заступать.

— Женя, мне нужна твоя помощь, — я стараюсь говорить максимально сухо, без эмоций. — У меня испытательный срок на новой работе. Жесткий график. Мне нужно, чтобы ты забрал младших на эти выходные. Кира не справляется одна, она уже на грани срыва.

В трубке повисает театральная пауза, сопровождаемая тяжёлым вздохом.

— Тась... ну ты же знаешь, мы с Леной уезжаем на базу отдыха. Всё забронировано.

— Отмени. Или возьми детей с собой. Жень, это твои дети. Тёма сегодня чуть не покалечился, пока меня не было.

— А вот это, Тася, уже вопрос к тебе, — тон Евгения становится елейно-назидательным, от него зудят зубы. — Это же ты решила строить из себя железную бизнес-леди. Я всегда говорил — женщине нужно сидеть дома, заниматься уютом, либо заниматься работой попроще. Ты сама выбрала эту работу. Сама оставила их на Киру. Я примчался по первому зову, бросил все дела, а наша дочь захлопнула дверь у

меня перед носом! Я, между прочим, до сих пор жду извинений.

Я закрываю глаза. В груди разливается тяжелое, свинцовое чувство. Это даже не злость, это бесконечная, тупая усталость от осознания того, что я бьюсь головой о стену.

Женя никогда не кричит. Он просто аккуратно, мастерски перекладывает чувство вины на мои плечи.

«Это ты выбрала». «Ты виновата». «Я хотел помочь, но вы сами отказались».

— Понятно, Женя, — ровно говорю я, обрывая его монолог о том, как сильно он оскорблен. — Извини, что побеспокоила. Хороших выходных.

Сбрасываю вызов.

В темной кухне только гудит холодильник. Я сижу в полном одиночестве и отчетливо понимаю: у меня нет тыла. Нет никого, кто мог бы подстраховать. Если я упаду — они упадут вместе со мной. Эта мысль давит так сильно, что на секунду становится нечем дышать.

Отвожу взгляд на окно. В отражении стекла — бледная женщина с кругами под глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.